

УДК 82 Чехов.06
ББК 83.3

А.И. Станько

**ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ
А.П.ЧЕХОВА**

Исследуется переписка Чехова, посвященная событиям отечественной и европейской действительности 1890-х гг. — эпидемии холеры, делу Дрейфуса. Эпистолярная публицистика Чехова характеризует нравственный облик писателя, его самоотверженность в экстремальной ситуации и социальную активность в защите прав личности.

Ключевые слова: *открытое письмо, эпистолярная публицистика, экстремальная ситуация, общественное мнение.*

Станько Александр Иванович — докт. филол. наук, профессор кафедры истории журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 264-16-38

Работа Чехова над сахалинскими очерками после многотрудного путешествия на каторжный остров и трехмесячного там пребывания совпала с событиями, которые потребовали незамедлительного его участия. Такими общественно значимыми явлениями стали эпидемия холеры и дело Дрейфуса, в отклике на которые в полной мере проявились активная социальная позиция Чехова и его талант публициста.

Современные исследователи биографии и творческого пути писателя не упускают случая упомянуть о его реакции на дело Дрейфуса и, в меньшей степени, о самоотверженной деятельности как врача во время эпидемии холеры. Однако авторы, как правило, ограничиваются констатацией фактов и не рассматривают эти эпизоды из жизни Чехова как масштабные явления его публицистического творчества. Причиной служит, скорее всего, то обстоятельство, что Чехов не высказывался на страницах прессы или в отдельных публикациях о названных событиях, что само по себе примечательно.

Дело Дрейфуса и эпидемия холеры, получившие отклик в отечественных и зарубежных периодических изданиях, глубоко волновали Чехова и существенно сказались на его творческой деятельности, общественных и литературных связях. Однако единственным источником, проливающим свет на названные эпизоды из жизни Чехова, служит его пере-

писка, которая выходит за рамки личного общения и обретает общественный, публицистический характер.

Чехов внимательно следил за движением эпидемии холеры летом 1892 г., приближающейся к столице с юга. Об этом свидетельствует его переписка: в каждом письме, отосланном им из Мелихова — подмосковной усадьбы Серпуховского уезда — в эту пору говорилось о холере. Чехов сообщал 22 июля своей доброй знакомой Н.М. Линтваревой о тех трудностях, с которыми он сталкивается в преддверии холеры. Как земский врач, он получил участок — 25 деревень, 4 фабрики, монастырь: «В разъездах я от утра до вечера и уже утомился, хотя холеры еще не было. Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шел домой пешком по грязи и все время ругался». Но есть, по его словам, и положительные результаты напряженной работы: «Земцы здесь интеллигентные, товарищи дельные и знающие люди, а мужики привыкли к медикам настолько, что едва ли понадобится убеждать их, что в холере мы, врачи, неповинны. Бить, вероятно, нас не будут». В заключение письма к Линтваревой Чехов советовал, как лечиться от холеры. Помимо лекарств, он рекомендовал средства, которые сам станет принимать в случае заболевания: «Я буду, кроме того, употреблять во всех видах тепло (горячий кофе с коньяком, горячие матрасики, горячие ванны и проч.)» [Чехов, Письма, т. 5, с. 95; ниже цитаты из писем А.П. Чехова приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках]. Тот факт, что писатель давал совет о способах лечения применительно к возможности собственного заболевания не кажется случайным. Над флигелем в Мелихове по утрам поднимался флаг, который издали видели окрестные крестьяне. Врач Чехов приглашал больных на прием. Народный доктор умом и сердцем понимал и чувствовал, какие беды несла людям «гнусная гостья».

О работе, проделанной Чеховым в холерные месяцы, подробно рассказала и дала оценку в своих воспоминаниях Т.Л. Щепкина-Куперник, писательница и переводчица, правнучка актера М. Щепкина: «Он не только лечил, но и снабжал своих пациентов лекарствами, тратя на это значительные для него по тому времени деньги. Известность его как врача быстро росла, скоро его выбрали в члены серпуховского санитарного совета. Тем временем на Россию надвинулась холера. Ему, как врачу и члену совета, предложили взять на себя заведование санитарным участком. Он тотчас согласился и, конечно, безвозмездно. У земства было мало средств, и А.П. взялся собрать их. Он стал объезжать соседних фабрикантов и помещиков и убеждать их давать средства на борьбу с холерой... И добился многого: на фабриках строили бараки, везде заготавливали инвентарь. "Я, верно, был бы очень хорошим нищим, — говаривал он, — столько удалось выпросить".

Сообщая о повседневной профилактической работе на участке, с которой управлялся один, так как фельдшер «без него не мог сделать и шагу», Щепкина-Куперник приводит такие факты: «Он разъезжал по деревням, принимал больных, читал лекции, как бороться с холерой, сердился, убеждал, горел этим – и писал друзьям: "Пока я служу в земстве – не считайте меня литератором". Но, конечно, не писать он не мог. Он возвращался домой измученный, с головной болью, но держал себя так, будто делал пустяки, дома всех смешил – и ночью не мог спать или просыпался от кошмаров» [Чехов в воспоминаниях современников, с. 315].

Чеховские письма из Мелихова вели своеобразную летопись народного бедствия. «Похоже, – писал он Суворину 1 августа, – будто на холеру накинута аркан. Понизили не только число заболеваний, но и процент смертности. В громадной Москве холера не идет дальше 50 случаев в неделю, а на Дону она хватает по тысяче в день» (Письма, т. 5, с. 100). Упоминание о Доне здесь не случайно. Вести с холерного Дона Чехов получал от Гиляровского, сообщавшего ему о страшных картинах людского мора.

«Теперь все работают, люто работают», – писал Чехов и свой труд рассматривал как часть общего дела, которое спланирует добрых и мужественных людей. «Литература давно уже заброшена, и я нищ и убог, так как нашел уместным для себя и для своей самостоятельности отказать от вознаграждения, какое получают участковые врачи. Мне скучно, но в холере, если смотреть на нее с высоты птичьего полета, очень много интересного» (Там же). Последние слова выражают характерную для Чехова мысль о нравственном долге гражданина. Нельзя отсиживаться по углам в роковые для страны часы, от блага ближнего зависит и твоя судьба. Бедствие сближает людей, раскрываются их лучшие нравственные черты.

В письме к Суворину от 16 августа 1892 г. Чехов психологически убедительно описал свое состояние в экстремальных обстоятельствах, требующих спокойствия и внешнего равнодушия к страшной болезни: «Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни, и к тем людям, которым служишь, – это сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится» (Письма, т. 5, с. 104). Слова о равнодушии к холере поставлены Чеховым в связь со спокойным поведением врача в общении с больными и передают высокую степень эмоционального восприятия происходящего и ответственности за свои действия.

Как последний аккорд, подводивший итог многотрудным мелиховским дням, прозвучали чеховские слова к Суворину от 18 октября 1892 г.: «Участок мой уже закрыт... 20 октября земское собрание. Предположено (я читал в отчете) благодарить меня за организацию участка. С августа на 15 октября я записал у себя на карточках 500 больных, в общем принял, вероятно, не менее тысячи. Мой участок вышел удачен в том отношении, что были в нем доктор, фельдшер, два отличных барака, принимались больные, производились разъезды по всей форме, посылались в санитарное бюро отчеты, но денег истрачено всего 110 руб. 70 коп.» (Письма, т. 5, с. 118). Самоотверженная работа Чехова в качестве земского врача осталась неизвестной для многих современников, след от нее сохранился лишь в переписке писателя. По словам Щепкиной-Куперник, о своей общественной деятельности в пору пребывания в Мелихове «он сам никогда не распространялся» [Чехов в воспоминаниях современников, с. 316].

Для характеристики личности Чехова важное значение имеет анализ его высказываний о деле Дрейфуса. Исследователи творчества писателя чаще всего ограничиваются указаниями на принципиальность позиции Чехова в этом деле, отмечают солидарность его взглядов с выступлениями Э. Золя в защиту несправедливо обвиненного в измене и осужденного французского офицера. Однако чеховская эпистолярная публицистика, касающаяся дела Дрейфуса, заслуживает более пристального внимания, поскольку в ней были поставлены острые социальные проблемы русской действительности и нашли обоснования причины разрыва писателя с одной из самых влиятельных газет той поры – «Новое время», в которой он принимал участие, был в приятельских отношениях с редактором А. Сувориным.

Сопоставительный анализ открытого письма Э. Золя «Я обвиняю» и писем Чехова конца 1890-х гг. свидетельствует прежде всего о том, что оба писателя не остались равнодушными к судьбе несправедливо осужденного человека и выступили борцами за торжество правды, справедливости.

Офицер французского генерального штаба Альфред Дрейфус был обвинен в шпионаже в 1894 г. в связи с пропажей секретных документов генерального штаба и обнаружение в бумагах германского военного агента соответствующей информации в донесении – бордеро, принадлежность которого Дрейфусу признали по почерку эксперты военного министерства. Дрейфус был предан военному суду, обвинен в государственной измене и приговорен к пожизненной ссылке на Чертовом острове.

Дело Дрейфуса привлекло к себе внимание французской и мировой общественности. После опубликования факсимиле бордеро возникли сомнения в том, что его написал Дрейфус. В 1896 г. новый начальник

разведывательного бюро указал на принадлежность бордеро офицеру Эстерхази на основании сходства почерка. Однако военный министр и генеральный штаб настаивали на прежнем обвинении, и военный суд оправдал Эстерхази. Военный министр Кавеньяк произнес речь в палате депутатов, в которой сослался на перехваченные письма к итальянскому военному агенту с упоминанием об «этой каналье Д.», как на «абсолютное доказательство виновности Дрейфуса в шпионаже». Между тем выяснилось, что письма подделаны начальником разведывательного бюро. Да и сам Эстерхази, бежавший за границу, признался в авторстве бордеро. Тем не менее на повторном рассмотрении дела Дрейфуса в суде пострадавший вновь был признан виновным. Эти факты получили освещение и интерпретацию в публицистике Золя и Чехова (в письмах последнего несколько иная транскрипция фамилий действующих лиц: Зола, Эстергази).

Произведение Э. Золя «Письмо господину Феликсу Фору, президенту республики» было опубликовано в газете «L'Aurore» 13 января 1898 г. под заголовком «Я обвиняю», предложенным ее редактором. Среди писем Чехова, посвященных делу Дрейфуса, наиболее масштабным по содержанию и блистательным по форме является адресованное А. Суворину письмо от 6 февраля 1898 г., отправленное из Ниццы. Письмо Золя по структуре и стилю соответствует адвокатской речи на суде, в то время как чеховское письмо, на первый взгляд, имеет камерный характер. Однако по своей проблематике, общественной значимости оно сопоставимо с произведением Золя и выходит за рамки личной переписки, продолжает традиции открытых писем русской эпистолярной публицистики.

Лейтмотивом открытого письма Золя «Я обвиняю», адресованного президенту республики, стало требование «справедливого приговора» по делу Дрейфуса и признание своего морального долга «сказать правду» об этом. Эпиграфом к переписке Чехова по делу Дрейфуса могут служить его слова, ранее сказанные в письме к Суворину от 9 декабря 1890 г.: «Главное — быть справедливым, а все остальное приложится» (Письма, т. 4, с. 140). Письмо Золя было опубликовано после оправдания военным судом Эстерхази, стало известно Чехову, который находился в Ницце на лечении, и нашло отражение в его послании Суворину. По существу каждый из писателей провел собственное журналистское расследование дела Дрейфуса, результаты которых оказались идентичными. При этом основным методом их исследовательской работы стал критический анализ документов, относящихся к делу Дрейфуса. Чехов пишет: «Я знаком с делом по стенографическому отчету, это совсем не то, что в газетах, и Зола для меня ясен» (Письма, т. 7, с. 168).

Оба автора считают необходимым последовательно восстановить ход событий или, как говорит Чехов, проследить «весь скандал от самого начала» (Письма, т. 7, с. 166), а Золя – сказать «прежде всего правду о судебном разбирательстве и осуждении Дрейфуса» [Золя, с. 218]. В центре внимания авторов находятся деятели дознания и методы их работы.

По мнению Золя, следствие затеяно и направлялось майором Дюпати де Кламом, «зловещей личностью», ему как военному юристу было вменено произвести следствие по делу Дрейфуса. Он «тешился избытками приемами бульварных книжонок: тут и выкраденные бумаги, и анонимные письма, и свидания в безлюдных местах, и таинственные дамы, приносящие под покровом ночи вещественные доказательства» (Там же). По приказу следователя обвиняемого поместили в комнату, «сплошь покрытую зеркалами», чтобы наблюдать за ним. И, «запасшись потайным фонарем», майор ночью внезапно освещал лицо спящего заключенного, чтобы «уловить приметы нечистой совести в испуге внезапного пробуждения».

Действия Дюпати де Клама представлены как следствие психически больного человека, который занимается спиритизмом, оккультными науками, беседует с духами: «Невозможно описать все испытания, которым он подверг несчастного Дрейфуса, хитроумные западни, в которые надеялся его завлечь, сумасбродные допросы, чудовищные ухищрения – разнообразнейшие уловки, рожденные горячным возмущением мучителя» [Золя, с. 219]. Тем временем «несчастный бился в отчаянии, кричал, что не виновен». Все обвинение строилось на «вздорной улике», свидетельстве «неслыханно наглого мошенничества», так как «пресловутые тайны, выданные врагу, лишены какой бы то ни было ценности». Так, «в полнейшей тайне, с применением множества изощреннейших и жестоких приемов дознания – ни дать ни взять, как в какой-нибудь хронике XV столетия, велось следствие», – резюмирует автор [Золя, с. 220]. Личности вершителей следствия и методы их работы служат основанием для вывода Золя о неудовлетворительном состоянии судопроизводства в стране: «Такие способы судопроизводства подготовили благоприятную почву для настоящего злодеяния – отказа в правосудии, которое, словно страшный недуг, поразило впоследствии Францию» (Там же).

В отличие от Золя Чехов в своем письме Суворину не вдаётся в подробности, говоря об «экзекуции», которой подвергался Дрейфус, и противопоставляет его, как порядочного, хорошо дисциплинированного человека, некомпетентности и психической несостоятельности его мучителей: «Из экспертов один оказался сумасшедшим, автором чудовищно нелепой схемы, два чудаками. Волей-неволей пришлось заговорить о бюро справок при военном министерстве, этой военной

консistorии, занимавшейся ловлей шпионов и чтением чужих писем, пришлось заговорить, так как шеф бюро Sandherr, оказалось, был одержим прогрессивным параличом, Paty de Clam явил себя чем-то вроде берлинского Тауша (начальника тайной полиции. – А.С.), Picguart ушел вдруг, таинственно, со скандалом» (Письма, т. 7, с. 166). Таким образом, оба писателя дали медицинское заключение о психическом состоянии участников дознания и определили само следствие как инквизицию.

Далее в своих письмах Золя и Чехов останавливаются на характеристике заседаний военного суда. Как свидетельствует Золя, заседания проходили «по требованию сверху, в обстановке строжайшей негласности». Чехов также характеризует суд как «совершенно таинственный» и дает ему общую негативную оценку.

По словам Золя, обвинительное заключение «построено буквально на пустом месте». С помощью риторического приема, иллюстрирующего несостоятельность прозвучавших на суде квазидоводов, автор обличает документ как «верх беззакония»: «Дрейфус знает несколько языков? Преступление. У него не было найдено никаких компрометирующих бумаг? Преступление. Он трудолюбив и любознателен? Преступление. Он держится спокойно? Преступление» [Золя, с. 221].

Чехов в сдержанной стилистической тональности замечает, что «обнаружился целый ряд грубых судебных ошибок», и останавливается на некоторых из них: «Убедились мало-помалу, что в самом деле Дрейфус был осужден на основании секретного документа, который не был показан ни подсудимому, ни его защитнику, и люди порядка увидели в этом коренное нарушение права». Стали всячески угадывать содержание этого письма, пошли небылицы, «Дрейфус-офицер, насторожились военные; Дрейфус-еврей, насторожились евреи»; заговорили о милитаризме, заварилась каша на почве антисемитизма, «на почве, от которой пахнет бойней» (Письма, т. 7, с. 167).

По мнению Чехова-публициста, в деле Дрейфуса, как в капле воды, отразились насущные российские проблемы: «Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим». Писатель приводит в этой связи реплику почтмейстера из гоголевского «Ревизора»: «Право, война с турками. Это все француз гадит». И заключает свою мысль следующим выводом: «Капитал, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак» (Там же).

Эта заключительная фраза имеет глубокий смысл и отражает отношение Чехова к конкретным фактам французской и русской действительности, связанным незримыми нитями. В преследование сторонников Дрейфуса во Франции включились монархисты, основавшие «общество для борьбы с евреями и франк-масонами», которое получило название «французский крестовый поход». Не ссылаясь открыто

на этот факт, Чехов заявляет, что французы «чувствуют себя неладно, что в них завелся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить свою взбаламученную совесть» (Там же). Однако чеховские слова о «дурном знаке» имеют еще и русского адресата, имя которого не названо. Автор полемизирует с рассуждениями Суворина, объяснявшего на страницах своей газеты «Новое время» разгул антисемитизма во Франции как серьезную борьбу «между христианством и еврейством»:

«Она хочет победы христианства. Инстинкт говорит ей, что это необходимо для поддержания ее славы как очага цивилизации» [Новое время...].

Антисемитский характер судебного процесса над Дрейфусом не являлся тайной для Золя и, осуждая его, писатель указывал на конкретных виновников: «... несчастный пал жертвой не в меру пылкого воображения майора Дюпати де Клама, пропитанной духом клерикализма среды, окружавшей его, и травли "грязных евреев", позорящей наш век» [Золя, с. 223].

Вслед за рассуждениями о глубоко скрытых мотивах преследования Дрейфуса Золя и Чехов возвращаются к комментированию судебных процессов по этому делу и сосредотачивают свое внимание на личности другого фигуранта – Эстерхази. При этом, как и ранее в подобных случаях, Золя детально излагает ход событий, а Чехов лишь комментирует их последствия.

Не указывая источника информации, Золя сообщает, что в руки нового начальника французской контрразведки попала телеграмма, отправленная на имя майора Эстерхази агентом одной иностранной державы, о чем он поведал военному министру. Дознание привело к выводу: злополучное бордеро написано рукою Эстерхази, что, в свою очередь, означало невиновность Дрейфуса. Однако такое признание наносило удар по репутации штаба, и военный министр «погрешил против совести», покрыл «своим именем преступные деяния подчиненных». Этот факт вызывает взрыв эмоций у Золя: «Разум отказывается верить! ... И они спокойно спят, и у них есть жены и любимые дети! ... Злодейство совершилось, штаб не мог теперь сознаться в своих преступных кознях» [Золя, с. 224].

Характеристика, которую дал Золя Эстерхази, полностью совпадает с мнением Чехова, хотя последний высказывает его менее пафосно. Золя говорит о «вызывающей самоуверенности», «наглости поведенческих и речевых» Эстерхази, о «погрязшем в подлости» военном ведомстве: «О, правосудие! Глухое отчаяние теснит мою грудь». Из всего сказанного автор делает вывод, что надеяться на справедливый приговор нового военного суда – вещь немыслимая. Высшее начальство объявило приговор «божественным откровением». Золя дает памфлетную харак-

теристику военного ведомства, называет его «иезуитским приютом», «притоном низких склочников, сплетников и мотов» и гневно разоблачает гнусные приемы его деятельности: «Низкопробные полицейские приемы, ухватки притеснителей и инквизиторов, самоуправство горстки чинов, нагло попирающих сапожищами волю народа, кощунственно и лживо ссылающихся на высшие интересы государства, дабы заставить умолкнуть голоса, требующие истины и правосудия» [Золя, с. 228].

Чехов, отнюдь не бесстрастно, перечисляет связанные с Эстерхази моменты дознания и суда: «...этот Эстергази, бретер в тургеневском вкусе, нахал, давно уже подозрительный, не уважаемый товарищами человек, поразительное сходство его почерка с бордеро, письма улана, его угрозы, которых он почему-то не приводит в исполнение, наконец, суд, совершенно таинственный, решивший странно, что бордеро написан почерком Эстергази, но не его рукой» (Письма, т. 7, с. 167).

Приведенная цитата из чеховского письма свидетельствует о том, что автор опирался не только на факты, изложенные в письме Золя, но и на другие документальные источники, свидетельства прессы. Так, упоминание об «улане» намекает на обнародованные газетой «Le Figaro» письма Эстерхази, в которых он именует себя «капитаном уланов, которые посланы рубить французов» (Там же, с. 536). Слова об «угрозах» связаны с заявлениями Эстерхази вызвать на дуэль начальника контрразведки, обнародовавшего телеграмму, из которой становилось явной его шпионская деятельность. Далее Чехов ссылается на «драку в палате», имея в виду схватку между депутатами социалистами и консерваторами во время антиправительственной речи Ж.Жореса в связи с его оценкой выступлений Золя по делу Дрейфуса. По мнению Чехова, все эти факты свидетельствовали о том, что «газ все накаплился, стало чувствоваться сильное напряжение, удручающая духота» (Там же, с. 167). Эта мысль Чехова полностью совпадает с замечанием Золя: «... когда правду хоронят во мраке подземелья, она набирает там такую неодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, разрушающий все и вся» [Золя, с. 230].

Золя и Чехов признают, что во Франции нашлись «чистые, доверчивые души», которые заступились за Дрейфуса, это «правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосудия» [Золя, там же]. Чехов считает такое явление закономерным: «Первыми должны были поднять тревогу лучшие люди, идущие впереди нации, – так и случилось» (Письма, т. 7, с. 167). Свою мысль о «лучших людях» Чехов иллюстрирует примерами из русской жизни.

Он обращается к излюбленной теме своих публицистических выступлений – портретам истинных сынов отечества. К их числу относится «Короленко, который защищал мултановских язычников и спас их от

каторги». Удмурты из села Старый Мултан Вятской губернии были обвинены в убийстве нищего для принесения жертвы языческому богу и приговорены к каторге. Заступничество Короленко, который доказал несостоятельность обвинительного приговора и выступил в качестве защитника на третьем разбирательстве дела в суде, завершилось оправданием обвиняемых в 1896 г. Серия газетных статей Короленко под общим названием «Мултанское жертвоприношение» появилась в то время, когда в военном суде Франции слушалось дело Дрейфуса.

Чехов к лучшим людям, наряду с Короленко, относит доктора Гааза: «его чудесная жизнь протекла и кончилась совершенно благополучно» (Письма, т. 7, с. 167). Главный врач московских тюрем Ф. Гааз был широко известен в народе своим заступничеством за каторжан. Он открыл на свои сбережения больницу для арестантов, школу для их детей, добился отмены бритья голов ссыльнокаторжным женщинам, освобождения больных арестантов от кандалов и пр.

В деле Дрейфуса, по мнению Чехова, положительную роль сыграл сенатор Шерер Кестнер, который одним из первых потребовал его пересмотра. Золя назвал его «благородной личностью, честнейшим, порядочнейшим человеком» [Золя, с. 220], что вызвало нападки на писателя в «маленьких письмах» Суворина, опубликованных на страницах «Нового времени». Чехов, таким образом, солидаризовался с Золя в оценке личности Шерера Кестнера, который, по его словам, «безупречен и ясен» (Письма, т. 7, с. 167).

Полемику с Сувориным Чехов продолжил, оценивая роль Золя в деле Дрейфуса, словами: «Да, Золя не Вольтер». Смысл этих слов становится очевидным, если обратиться к высказыванию Суворина в «Новом времени»: «Лавры Вольтера не дают спать Эмилю Золя» [Новое время]. Суворин имел в виду публичное заступничество Вольтера за протестанта Жана Каласа, обвиненного католическими монахами в убийстве сына на религиозной почве и колесованного, а затем посмертно реабилитированного. Начиная с фразы «Да, Золя не Вольтер, и все мы не Вольтеры, но бывают в жизни такие стечения обстоятельств, когда упрек в том, что мы не Вольтеры, уместен менее всего» (Письма, т. 7, с. 167), Чехов ведет открытую полемику с Сувориным, причисляет себя к сторонникам Золя и, разделяя его позицию, дважды употребляет при этом местоимение «мы».

Чехов, внимательно следивший за освещением дела Дрейфуса в печати, еще до публикации послания Золя президенту, в своих письмах из Ниццы в Россию пришел к выводу, что обвинение фальсифицировано. В письме к Н.И. Коробову от 12 ноября 1897 г. Чехов сообщает: «Газеты полны рассуждений и сплетен о Дрейфусе. Читаю очень внимательно, и впечатление таково, что никаких изменников нет, но что кто-то зло подшутил» (Письма, т. 7, с. 99). В другом письме В.М. Собо-

левскому от 4 декабря 1897 г. Чехов почти дословно повторил сказанное: «Я целый день читаю газеты, изучаю дело Дрейфуса. По-моему, Дрейфус не виноват» (Там же, с. 112). По мере изучения французских газет с высказываниями Золя о процессе и русских газет, в том числе «Нового времени» Суворина с нападками на Золя, в письмах Чехова появились новые аргументы.

Свое мнение о деле Дрейфуса и роли Золя в нем Чехов высказал Суворину в письме из Ниццы от 4 января 1898 г.: «Дело Дрейфуса закипело и поехало, но еще не стало на рельсы. Золя благородная душа, и я... в восторге от его порыва. Франция чудесная страна, и писатели у нее чудесные» (Письма, т. 7, с. 143). Спустя две недели в письме к Ф. Батюшкову из Ниццы Чехов подтвердил свое ранее высказанное мнение и негативно отозвался о позиции газеты Суворина «Новое время» в этом вопросе: «У нас только и разговора, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если судить невинного, есть кому вступить. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские – хоть брось. "Новое время" просто отвратительно» (Письма, т. 7, с. 157).

Основанием для резкой оценки газеты Суворина послужили публикации как ее сотрудников, так и самого редактора. От пристального внимания Чехова не ускользнул тот факт, что кампания «черного пиара» против Золя в «Новом времени» набирает обороты и ее режиссером является сам редактор. С ноября 1897 г. по январь 1898 г. Суворин опубликовал несколько своих «маленьких писем», в которых заявил о «заблуждениях даровитого романиста». Вслед за этим травля Золя была продолжена в январских передовых статьях «Нового времени» и в разделе «Внешние известия», где появились перепечатки из французских антисемитских газет. Одновременно в январских и февральских номерах газеты были напечатаны «этюды» А. Амфитеатрова и «маленькая хроника» В. Лялина, в которой Золя объявлялся «душевнобольным», «аферистом» и т.п.

Полемически острое письмо Чехова к Суворину от 6 февраля имеет кольцевую композицию: оно начинается с характеристики личности Золя и заканчивается оценкой его деятельности: «Вы пишете, что Вам досадно на Золя, а здесь у всех такое чувство, как будто родился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали» (Письма, т. 7, с. 166), – первые строки чеховского письма служат камертоном к дальнейшему изложению автором дела Дрей-

фуса и прологом к заключительной портретной характеристике французского писателя, активная жизненная позиция которого как борца за справедливость служит примером для подражания.

«Главное, он искренен, т.е. он строит свои суждения только на том, что видит, а не на призраках, как другие», – так характеризует Чехов личность Золя и далее в небольшом философском отступлении выражает свой взгляд на роль писателя в жизни общества. По его словам, искренние люди могут ошибаться, но их ошибки приносят меньше зла, чем рассудительная неискренность, предубеждения или политические соображения. «Пусть Дрейфус виноват, и Золя все-таки прав», – это парадоксальное, на первый взгляд, суждение получает дальнейшее обоснование: «Дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виновных, раз они уже осуждены и несут наказание» (Письма, т. 7, с. 168). Эти чеховские слова согласуются с его позицией, изложенной в очерках о сахалинской каторге. И в этом вопросе Чехов солидарен с Золя, который писал: «Одна лишь мысль о том, что, возможно, допущена ошибка, одна мысль о непомерно тяжелой каре теснит грудь и исторгает из глаз слезы» (Там же, с. 538).

Дальнейшее рассуждение Чехова о роли писателя в политической жизни общества, на первый взгляд, противоречит ранее сказанному и обосновывает идею невмешательства, аполитичности художника. «Но большие писатели и художники, – утверждает он, – должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла» (т. 7, с. 168]. Из сказанного явствует, что под политикой в данном случае Чехов понимает аппарат принуждения, с незаконными действиями которого нужно бороться. И не случайно он апеллирует к евангельской легенде о Савле, который сначала преследовал учеников Христа, но «голос с неба» побудил его одуматься и сделаться апостолом Христа под именем Павла. В своих письмах с дороги на Сахалин Чехов предельно ясно высказался против равнодушия к арестантам и томящимся в ссылке, «непонятного в христианском государстве и христианской литературе» (т. 14/15, с. 26).

Чехов оценивает позицию Золя в деле Дрейфуса с нравственной точки зрения и считает обязанностью писателя быть в ладах со своей совестью. По его словам, Золя «будет испытывать живую радость после суда, старость его будет хорошая, и умрет он с покойной или по крайней мере облегченной совестью» (Письма, т. 7, с. 168). Таким образом, гармония личных и общественных интересов определяет предназначение творчества писателя, по мнению Чехова. И на этом пути каждый писатель добивается признания народа: Золя «представляет

на суде французский здравый смысл, и французы за это любят его и гордятся им» (Там же).

Чехов с одобрением отзываясь о международной поддержке позиции Золя в деле Дрейфуса, тем самым вступая в скрытую полемику с высказываниями «Нового времени» по этому поводу. Чехов свидетельствует об успехе, который имели письмо Бьернстерна и статья Закревского у французов. Норвежский писатель Бьернстерне Бьернсон писал Золя, что вся Европа восхищается его поступком. В статье русского юриста Закревского, опубликованной в газете «Новости», говорилось о «мужестве великого ума и сердца» знаменитого писателя-борца Золя [Новости и биржевая газета...]. В то же время, по словам Чехова, французам «противна брань на Золя, т.е. то, что каждый день им подносит их малая пресса, которую они презирают» (Письма, т. 7, с. 168). Безусловно, мнение Чехова распространялось и на суворинскую газету «Новое время», которая присоединила свой голос к хору брани на Золя.

Письмо Чехова Суворину, явный и скрытый смысл которого не мог не быть понятен адресату, свидетельствовало о принципиальном расхождении их взглядов. В письме к брату Александру 23 февраля 1898 г. из Ниццы Чехов описал сложившуюся ситуацию и объяснил мотивы своих действий: «В деле Золя "Новое время" вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем обменялись письмами (впрочем в тоне весьма умеренном) – и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писать, в которых он оправдывает бестактность своей газеты...» (Письма, т. 7, с. 174). Чехов говорит далее об истинной причине разрыва, о том, что газета «Новое время» выливает помой на Золя «за благородный порыв и душевную чистоту» писателя. Концовка чеховского письма брату напоминала о ситуации, в которой оказался Золя: «И как бы там ни было, ругать Золя, когда он под судом, – это не литературно».

После опубликования письма президенту началось судебное преследование Золя за оскорбление армии. Такой поворот дела не стал неожиданностью для французского писателя. «Все было рассчитано, я ознакомился с текстом закона, я знал, чем рискую», – заявил он. На состоявшемся процессе, продолжавшемся с 7 по 23 февраля, Золя был признан виновным и приговорен к году тюрьмы и 3000 франков штрафа. Приговор был подтвержден на повторном, после кассации, заседании суда 23 мая 1898 г., Золя был исключен из числа кавалеров ордена Почетного легиона. По совету друзей он покинул Францию, 19 июля уехал в Англию.

Переписка Чехова после известного письма Суворину свидетельствует о продолжении и углублении конфликта между ними. В письме родным от 22 февраля, отправленном днем ранее приведенного выше письма брату Александру, Чехов замечает: «"Новое время" ведет нелепую кампанию, зато большинство газет если не за Золя, то против его

преследователей» (Письма, т. 7, с. 173). В письме из Парижа в Таганрог П. Иорданову Чехов сообщает новые подробности: «Дело Дрейфуса, как обнаруживается мало-помалу, это крупное мошенничество (так его именует Золя в письме президенту. — А.С.). Изменник настоящий Эстергази, а документы фабриковались в Брюсселе; об этом было известно правительству, в том числе и Казимиру Перье, который с самого начала не верил в виновность Дрейфуса и теперь не верит — и ушел от того, что не верил» (Письма, т. 7, с. 204).

Кульминацией в отношениях Чехова и Суворина явилась, как следует из воспоминаний современника М. Ковалевского, попытка Чехова убедить Суворина в невинности Дрейфуса, которая произвела «ожидаемое действие»: «Суворин, как рассказывал мне Чехов, в ответ на одно из таких писем, написал ему: "Вы меня убедили"». «Никогда, однако, — прибавлял Чехов, — "Новое время" не обрушивалось с большей злобой на несчастного капитана, как в недели и месяцы, следовавшие за этим письмом» [Гитович, с. 500]. В ответ на вопрос о причинах такого явления Чехов, по словам Ковалевского, сослался на «крайнюю бесхарактерность» Суворина.

Однако динамика взаимоотношений Чехова и Суворина напрямую зависела от изменений в идеологической позиции редактора «Нового времени», и дело Дрейфуса являлось лишь одним из звеньев в этой цепи. «Некоторое время, — пишет Б.И. Есин, — Суворин вел "Новое время" в либерально-оппозиционном духе, что привлекало подписчиков и журналистов, но в конце 70-х годов изменил позицию и превратил газету в реакционнейший орган, который стал защищать интересы консервативного дворянства и бюрократической знати, травить "иностранцев", рабочих и революционную интеллигенцию» [Есин, с. 249]. «Новое время» превращается в благонамеренную газету, правительственный официальный. Меткое прозвище суворинскому изданию дал Салтыков-Щедрин в цикле «В среде умеренности и аккуратности»: «Чего изволите?» Газета Суворина шла по пути, который завершился перерождением некогда либерального издания в орган черносотенцев. Клеветническая кампания против Дрейфуса явилась вехой на этом пути.

Разрыв Чехова с редактором «Нового времени» Сувориным выходил за рамки ссоры бывших приятелей и не мог не быть замеченным современниками, он приобрел публичный характер. Свидетельством может служить процитированное М. Горьким неопубликованное письмо Суворину одного из современников: «Не мое отношение к делу Дрейфуса позорно, а Ваше. Сошлюсь на человека, которого Вы любите и уважаете, если Вы только можете кого любить и уважать. Сошлюсь на чуткого художника А.П. Чехова. Он был во Франции во время процесса Золя. Спросите его, что он думает о виновности Дрейфуса и о гнусных проделках защитников Эстергази. Спросите его, что он думает о Вашем

отношении к этому делу и к еврейскому вопросу вообще. Не поздоро- вится ни Вам, ни "Новому времени" от его мнения» [Горький, с. 67].

История подтвердила правоту позиции Чехова и Золя в деле Дрей- фуса. В 1904 г. началось дополнительное следствие, и в 1906 г. с Дрейфу- са были сняты все обвинения, и он был восстановлен в армии. Высту- пления Золя и Чехова о деле Дрейфуса остаются образцами мировой публицистики, цель которой – внимание к судьбе человека, защита его прав.

Обращение Чехова к делу Дрейфуса, оказавшего в тюрьме по доно- су, имело корни в сахалинских впечатлениях о встречах с каторжанами. Ссылный Егор, судьба которого в своей основе совпадала сложе- нием невинно осужденного французского офицера, занял центральное место в сахалинских очерках Чехова.

С деятельностью Чехова во время холеры, когда он принимал боль- ных, оказывал им медицинскую помощь и вел их учет, непосредствен- но связана медицинская работа писателя в сахалинской больнице и проведенная им перепись сахалинского населения, в опросном листке которого на каждого жителя стоял вопрос «Чем болен?».

Чеховское участие в борьбе с холерой и его протест против неспра- ведливо осужденного Дрейфуса характеризуют нравственный облик и стиль жизни великого писателя.

Литература

- Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955.
Горький М. Собр. соч: в 30 т. Т. 28. М., 1954.
Есин Б.И. История русской журналистики XIX в. М., 2003.
Золя Э. Я обвиняю. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту республики// Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1967.
Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 18 т. М.; 1974 – 1984.
Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954.
Новое время. 1897. № 7836.
Новости и биржевая газета. 1898. № 12.